

УДК 821.111

КОНЦЕПТ 'РОССИЯ' В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ РОМАНЕ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Л.Ф. Хабибуллина

Аннотация

В статье рассматривается отображение темы России в английском политическом («шпионском») романе в литературе 1960-х годов. Концепт 'Россия' реализуется в сложном взаимодействии подходов, сложившихся еще в XIX веке, в рамках «цивилизаторского» дискурса английской литературы, и новых, обусловленных политической ситуацией «холодной» войны и культурной общностью двух стран. В работе прослеживается функционирование концепта 'Россия' на идеологическом, сюжетном и образном (гендерном) уровнях в произведении Я. Флеминга «Из России с любовью».

Ключевые слова: национальная концептосфера, политический роман, образ России (СССР), массовая литература, взаимодействие дискурсов, гендерный аспект.

После Второй мировой войны в литературе Великобритании особенно актуальной становится тема СССР. Воплощение этой темы в английской литературе связано с формированием, а затем преодолением стереотипного представления о России, которое реализуется на формальном уровне через постепенное разграничение стереотипов массового сознания и авторской точки зрения, а также через нарочито ироническое воспроизведение стереотипов в литературе конца XX в.

Упоминания о России в английской литературе появляются достаточно рано, еще в Средние века (см. [1, 2]). В той или иной форме обращение к теме России проявляется вплоть до XIX века, однако не становится при этом значимым предметом интереса английских писателей. Так, Н.П. Михальская пишет: «Русская тема не заняла сколько-нибудь заметного места в творчестве английских романистов-классиков XIX в.» [2, с. 92]. Однако в XX в. ситуация принципиально изменяется. Победа СССР во Второй мировой войне порождает большие симпатии к этой стране во всем мире, и в то же время победа лейбористов на выборах в 1948 г. внутри Британии вызывает у многих англичан страх того, что страна, славящаяся своими буржуазными традициями, может пойти по социалистическому пути развития и прийти к диктатуре, как в СССР, что в конечном счете для многих означает страх потери национальной идентичности. Литература, в которой отражается это опасение, актуальна в Британии вплоть до конца 1980-х годов, когда в связи с перестройкой появляется новая волна произведений о России, где страх потери идентичности постепенно уступает место признанию, хотя и весьма неохотному, права русских на существование

среди других европейских народов. Эта тенденция даже в начале XXI в. только намечена в английской литературе. Таким образом, можно выделить два основных этапа воплощения темы России в британской литературе:

- 1940–1980-е годы – формирование и развитие стереотипного образа СССР;
- 1980-е годы – начало XXI века – переосмысление созданных стереотипов в связи с развалом советской системы.

В данной статье мы сосредоточим внимание на начале первого этапа, который стал во многом определяющим для последующей литературы. Первым автором, который воплотил опасения англичан в литературе, становится Дж. Оруэлл. В своих статьях он пишет о той угрозе, которую представляет тоталитаризм для английского либерализма, для свободы творчества. Эти мысли, особенно в 1945–1946 годах, звучат диссонансом ко всеобщему прославлению СССР. Однако для Оруэлла как в его статьях, так и в антиутопиях «Скотный двор» (1945), «1984» (1948) советский тоталитаризм – это лишь наиболее устойчивая форма тоталитарного общества, которая еще сохранилась в середине века и продолжает вызывать симпатии. СССР – это наиболее опасная модель тоталитарного общества, но не опасна нация, например. Антипатия Оруэлла к СССР носит не национальный, а политический характер. Так, в статье «Подавление литературы» (1945–1946) он пишет: «Просоветски настроенная интеллигенция, не подпади она под воздействие этого мифа, возможно, поддалась бы какому-нибудь другому. Но русский миф в любом случае налицо и действует разлагающе» [3, с. 284]. Те элементы советской действительности, которые легли в основу изображения Океании в романе «1984» (новояз, переписывание истории, создание образа внешнего и внутреннего врага, подавление свободы личности, тотальный контроль над семьей и личной жизнью партийцев), являются чертами тоталитарного общества вообще, а не только советской системы, что неоднократно отмечал и сам писатель. Оруэлла волнует прежде всего судьба Британии и угроза тоталитаризма в родной стране: «Действие книги я поместил в Англию, чтобы подчеркнуть, что англоязычные нации ничем не лучше других и тоталитаризм, *если с ним не бороться* (курсив автора), может победить повсюду» [3, с. 85]. Однако негатив в отношении СССР, характерный для романов Оруэлла, проявляет себя в английской литературе еще в течение многих лет, что усугубляется и ситуацией «холодной войны». Интересно, что, хотя основные «страшные» образы таких структур, как СМЕРШ, НКВД и пр., связаны со сталинской эпохой, сами английские политические и «шпионские» романы на «русскую» тему появляются преимущественно в конце 1950-х годов и отражают напряженность эпохи Хрущева.

Даже в тех произведениях, где нет прямого изображения России, присутствуют намеки на ту же угрозу, на которую указывал и Оруэлл, – завоевание СССР Британией в результате третьей мировой войны. Так, в романе У. Голдинга «Повелитель мух» (1954) действие происходит именно в такое время. В романе Э. Берджесса «Заводной апельсин» (1961), написанном во многом под влиянием Оруэлла, молодежный жаргон подростков будущего строится именно на основе русского языка, что указывает если не на прямое завоевание, то на существенное влияние со стороны СССР.

Тема России настолько широко воплощается в английской литературе XX века, что можно говорить о сложившемся комплексе представлений о нашей стране, который не всегда являет собой определенный образ России или становится законченным мифом о нашей стране, поэтому мы будем описывать воспроизведенные в литературе представления о России при помощи термина «концепт» (см. [4, 5]).

Формирование концепта Россия в XX в. происходит на основе ряда составляющих. В первую очередь это «цивилизаторский» дискурс, где оппозиция «свой/чужой» оказывается тождественна оппозиции «цивилизация/природа» и уподобление «чужого» нецивилизованному дикарю оправдывает любые методы борьбы с ним. «Цивилизаторский» дискурс сочетается с представлением о нации в целом, которое складывается на базе «русского» дискурса, созданного в литературе прошлых веков, где уже было сформировано представление о далекой, страшной и дикой стране (см. [2]). «Советский» дискурс, создаваемый на основе современных страшных политических реалий, закрепленных в представлении о «советской угрозе», наслаивается на предыдущие два. В то же время если «цивилизаторский» дискурс, который начал складываться в британской культуре в эпоху Возрождения, а окончательно оформился в XIX в., предполагает в XX в. скорее покровительственное отношение к «другому», то «политический» дискурс, являющийся порождением XX века, рассматривает СССР как равного и потому опасного врага. Такое восприятие относится лишь к тем персонажам, которые имеют отношение к советской системе, а также к «народу» вообще. Отдельные представители России, выходцы из дворян, представители культурной среды, которые в этих романах считают себя приверженцами западной или непосредственно английской культуры и мечтают с ней воссоединиться, становятся предметом сочувствия и иногда идеализации. Таким образом, структуру «русского мифа», или концепта 'Россия', построенного на противопоставлении британскому, в английских романах второй половины XX в. можно рассмотреть как соединение трех составляющих:

- 1) «цивилизаторский» дискурс, предполагающий отношение к русским как к дикарям и оперирующий соответствующей риторикой;
- 2) «политический», или «советский» дискурс, акцентирующий ужасную природу советского тоталитаризма и избыливающий политической терминологией;
- 3) «культурный» дискурс, подразумевающий право отдельных русских на сочувствие через их принадлежность к миру европейской культуры.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется в массовой литературе, где на базе политического романа широко распространяется жанр «шпионского» романа, в котором Россия становится одной из значимых тем. Образцом английского «шпионского» романа являются романы Я. Флеминга, которые непосредственно отражают сложившиеся в политическом сознании англичан стереотипы, связанные с восприятием России. Интересно, что в романах такого рода вновь актуализируется оппозиция «свой/чужой» в политическом контексте, несмотря на формирование в XIX в. более зрелой оппозиции «мы/другие». Так, в романах Я. Флеминга актуально даже характерное только для древних эпосов неразличение точек зрения своих и врагов. Подобно тому как во французской «Песни о Роланде» враг франков Марсилий говорит о Франции «милая Франция»

и прославляет короля Карла Великого, в романе Флеминга «Из России с любовью» генералы МГБ расхваливают английскую разведку и саму Англию: «Английская служба безопасности великолепно. Англия – островное государство, что само по себе – большое преимущество. В ее контрразведке работают отлично подготовленные и знающие специалисты. Секретная служба Англии за последние годы добилась немалых успехов. При проведении некоторых операций мы часто сталкиваемся с тем, что они нас опередили. Английские агенты оплачиваются не очень высоко – две тысячи в месяц, но они преданно служат своей родине. Это тем более странно, потому что у сотрудников английской разведки нет особых привилегий. Они платят такие же налоги, как и все, не имеют доступа в закрытые магазины, где можно приобрести качественные товары по дешевой цене. Им крайне редко дают награды и не спешат с повышением по службе. Несмотря на все это, разведчики прекрасно делают свою опасную работу. Возможно, это дань традиции, перешедшей из частных школ и университетов. Или любовь к приключениям. – Генерал Воздвиженский спохватился: его слова могут быть истолкованы как восхищение противником. – Разумеется, успехи английских спецслужб несколько преувеличиваются ими самими и основываются на мифах: Скотленд-Ярд, Шерлок Холмс, секретная служба» (здесь и далее цит. по [6]).

Эти и другие особенности восприятия СССР в Англии можно рассмотреть на примере произведения Я. Флеминга «Из России с любовью».

«Цивилизаторский» дискурс в романе функционирует в рамках киплингвской оппозиции «Восток/Запад», где все отрицательное соотносится исключительно с Востоком, а все положительное – с Западом. В соответствии с еще романтической традицией создается образ свирепого дикаря, подчеркивается кровожадность русских: «Русские применили слишком уж крутые меры. Впрочем, когда заходит речь об убийстве, им не хватает артистичности. Они любят убивать как можно больше». Нецивилизованность русских подчеркивается указанием на их неопрятность, грязь («Русские щедро пользуются духами и одеколоном независимо от того, мылись они или нет, но главным образом тогда, когда не мылись»), склонность к примитивным зрелищам («Русские не могут жить без цирка»). К «дикарским» чертам русских относится и их коварство: «Наши руководители улыбаются и шутят на приемах в Кремле. В разгар веселья мы проводим испытание самой большой атомной бомбы».

Аналогичным образом характеризуются и другие восточные народы: турки, стремящиеся к Европе, экзотичные цыгане. Подчеркивается дикость этих народов («С этими турками только так и можно обращаться. Они любят, когда их ругают и дают пинки под зад. Это им сразу понятно. А демократия прямо-таки убивает их. Им нужны султаны, войны, насилие и развлечения. Бедняг заставили носить европейские костюмы и котелки на голове вместо фесок»), их близость нецивилизованному прошлому («Бонд вслушивался в незнакомую речь и наблюдал: это были люди, недавно спустившиеся с гор; их глаза, темные и яростные, на протяжении многих столетий привыкли следить за овечьими стадами, сторожить их и замечать появление врагов на горизонте; следить за рукой со сжатым в ней ножом и за купцом, разменивающим монеты»).

Напротив, все представления о благе, цивилизованности, комфорте связаны в романе прежде всего с Англией, которая характеризуется только положительно, или с Европой в целом. Так, европейские продукты (французское шампанское, швейцарский сыр) – предмет вождения советских людей, которым приходится довольствоваться плохой пищей (русские крошат хлеб в суп), европейские ценности – мечта для советских людей. Научные достижения русских связаны с их экспансией в Европу. Так, в романе упоминаются «похищения немецких ученых-атомщиков, позволивших России достичь такого стремительного технического прогресса в послевоенные годы».

«Советский», или «политический», дискурс тесно смыкается в этом романе с «цивилизаторским». Однако при описании советского государства доминирует не столько упоминание о дикости, сколько обозначение «страшного» характера этого государства. В связи с этим упоминаются пугающие организации, такие, как СМЕРШ, МГБ, ГРУ, говорится о пытках, применяемых в СССР, подчеркивается аморальный характер государства, которое не подчиняется общим правилам. При характеристике всего, что имеет отношение к власти, подчеркивается опасность. Так, люди власти имеют «холодные» или «бесстрастные» глаза, встреча с властью всегда чревата неприятностями. В этой стране нет места обычным человеческим чувствам. «У нас в России мало радости и веселья», – признается Бонду русская девушка Татьяна.

СССР противопоставляется Англии с ее свободой и разумной организацией государства. В этом отношении интересно сопоставить методы русских и английских спецслужб, как они описаны в романе. Подчеркивается страшный, кровавый характер пыток в СССР, которые исполняются работниками СМЕРШа с изощренным садизмом: «Шепотом рассказывали, что она входила в камеру и ставила стул у лица мужчины или женщины, пристегнутых к столу пыток. Затем садилась и внимательно смотрела в глаза жертвы, тихо произнося номер 1, или номер 10, или номер 25. Инквизиторы понимали, что она имеет в виду, и принимались за дело. А Роза Клебб не отрывала глаз от лица жертвы, наклонялась к ней вплотную и вдыхала крики, как аромат духов». По контрасту демонстрируются хитроумные, но не травматичные методы британской разведки: «Там она будет жить в удобной, отлично прослушиваемой комнате. Опытные специалисты в штатском будут сменять друг друга и допрашивать, не давая ей передышки. Искусно скрытые микрофоны запишут каждый звук. Затем записи расшифруют и начнут по зернышку выискивать в ее слезах новую, еще неизвестную информацию». В данном случае даже просто система характеристик, употребляемых автором (камера, пытки, жертва, удобная комната, специалисты в штатском, искусно скрытые микрофоны, приятная русская девушка), содержит весьма ярко выраженную оценку.

В этом контексте начинают отмечаться некоторые достоинства русских, например хорошая игра в шахматы, однако и это достоинство служит для реализации коварных планов русских: «Эти русские – блестящие шахматисты. Они рассчитывают игру на много ходов вперед, маневры врага предвидят заранее и принимают ответные меры. Меня не оставляет чувство, что ты, я и девушка – всего лишь пешки на огромной шахматной доске, что нам разрешают действовать так лишь потому, что это не мешает замыслу русских».

«Культурный» дискурс представлен в романе в гораздо меньшей степени и проявляет себя преимущественно на индивидуальном уровне. Упоминания о достижениях культуры возможны только в связи с отдельными личностями или дореволюционным прошлым, представителям советского государства отказывается в понимании культуры. В самом романе «Из России с любовью» это скорее подразумевается, чем говорится прямо, но пример этого мы видим в другом произведении Флеминга – «Достояние леди», где расследуется история изделия Фаберже, которое, по мнению автора романа, не может быть оценено в России по достоинству: «Официальной точкой зрения Советов всегда было, что это всего-навсего капиталистические побрякушки. Официально их презирают, как, впрочем, и свою восхитительную коллекцию французских импрессионистов» [7].

Система образов романа «Из России с любовью» выстроена в соответствии с той же оппозицией «Запад/Восток», которая определяет все его содержание (как и содержание всей «бондианы» в целом). Запад представлен контрастными мужскими образами, такими, как Джеймс Бонд и Донован Грант. Бонд, воплощение английского джентльмена, в самом начале романа обозначается как национальный герой, правда неизвестный своему народу, чья смерть должна стать по коварному замыслу советской разведки сокрушительным ударом по Западу. Бонд интеллектуален, работает не из-за денег, что выгодно отличает его от представителей американской разведки, слабость которой заключается в абсолютизации роли денег: «Американцы считают, что деньги – это самое главное в разведке. Хорошие разведчики редко работают только за деньги – к обогащению в разведке стремятся случайные люди. Потому плохих разведчиков у американцев – несколько дивизий» [6]. Бонд воплощает в романе тип английского джентльмена в новых политических реалиях, причем этот тип совершенно лишен характерной для английской литературы иронии и самоиронии. Быть джентльменом, согласно идеологии романа, почти кастовый признак англичанина, право называться джентльменом имеют только англичане по рождению, представители других наций могут только стремиться к тому, чтобы быть похожими на них «хотя бы внешне».

Его противоположностью становится человек без корней, отщепенец Европы, Донован Грант, чья связь с СССР объясняется сразу и его маниакальными наклонностями, которые обостряются в полнолуние, и его маргинальным происхождением: «Донован Грант появился на свет в результате полночного союза профессионального немецкого тяжелоатлета и официантки из Южной Ирландии. Союз длился четверть часа, начавшись и закончившись на сырой траве, за шатром странствующего цирка, на окраине Белфаста» [6]. Только такой представитель Запада – безродный, аморальный, с патологической психикой, ирландец по матери, ненавидящий англичан, – мог пойти на союз с СССР. Напротив, турок Керим, воспитанный матерью-англичанкой в уважении к Англии, не просто борется и погибает за интересы Англии, но и отдает в разведку всех своих детей.

Россия на индивидуальном уровне представлена в романе преимущественно женскими и также контрастными образами. Представительница советской системы, Роза Клебб, является воплощением всего отвратительного и патологического: ужасная мужеподобная внешность, садистское пристрастие к пыткам,

лесбийские наклонности. Интересно, что этот женский тип, который создается именно применительно к русской культуре, оказывается весьма плодотворным в английской литературе и в дальнейшем. Такая женщина обязательно отталкивающе толста, громадна и ассоциируется с матерью: «Когда она принимала образ матери, воля человека, которую жесткие требования мужчины только бы укрепили, ослабевала. После того как ей удавалось добиться признания очередного арестованного, Роза Клебб опять возвращалась в свой кабинет со стулом под мышкой, снимала халат, покрытый свежими пятнами крови» [6]. Именно она становится главной противницей героя, который вынужден вступить с ней в схватку, где именно она, а не он воплощает грубую силу. Будучи лесбиянкой, она оказывается «соперником» героя и в сексуальном плане. Истоки этого образа, видимо, следует искать в принципиальном различии классических русской и английской литератур. В русской литературе уже в середине XIX в. создается положительный образ матери, женщины, чья физическая мощь рассматривается как ее привлекательная черта (в произведениях Н. Некрасова, например). В английской литературе положительный женский образ не имеет национальных черт, воплощением нации является активное мужское начало, герой, завоевывающий мир, в том числе и через покорение женщин. Материнское начало еще с эпохи «Беовульфа» ассоциируется с матриархальной властью женщины и рассматривается как пугающее и отрицательное – недаром в английской литературе практически отсутствуют яркие положительные образы матери.

Положительным женским образом в романе становится образ русской девушки Татьяны Романовой. Подобно тому, как отрицательное изображение европейца, Донована Гранта, требует множества авторских «оправданий», так и положительное изображение русской оправдывается ее принадлежностью к царской семье, женской привлекательностью, высоким уровнем культуры. Именно в связи с ней упоминаются традиционные достоинства России и позже СССР: она занималась балетом, фигурным катанием, она хорошо знает русскую литературу (ассоциирует Бонда с «героем Лермонтова»), то есть является практически единственным представителем мира «культуры» в СССР. Главным же «оправданием» героини становится ее любовь к «миру свободы» и его воплощению – Бонду.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что идеологические схемы репрезентируются и на гендерном уровне. Традиционный образ английской (и шире европейской) литературы, герой-мужчина, выполняющий важную миссию за пределами родины, метафорически завоевывает страну через завоевание женщины – представительницы страны, которая принимает его систему ценностей, отказываясь от своей.

Таким образом, в произведении «массовой» литературы, где одним из главных объектов внимания становится Россия (СССР), актуализируются архаичные для второй половины XX в. принципы изображения: создание единственной картины мира, воспроизводящей точку зрения только одной нации, оппозиция «свой/чужой», преодоленная в литературе XIX века, деление героев на положительных и отрицательных, создание образа «дикаря», не заслуживающего сочувствия. Этот стереотип, созданный в массовом сознании и воплощенный в послевоенном «шпионском» романе, лишь очень постепенно преодолевается в последующей английской литературе.

Summary

L.F. Khabibullina. 'Russia' Concept in English Political Novel in Mid-20th Century.

The article deals with the reflection of Russian theme in English political ("spy") novel of the 1960-s. 'Russia' concept is formed within the complicated interaction of different approaches. Some of them appeared in the 19th century within the framework of "civilizational" discourse in English literature, others were new and depended on the political situation of the Cold War and the community of the two countries' cultural interests. In the following work we retrace the functioning of 'Russia' concept in the novel by Ian Fleming "From Russia with Love" on different levels from ideology to the levels of plot and images (gender).

Key words: concept, national identity, image of Russia (USSR), gender.

Литература

1. *Алексеев М.П.* Очерки из истории англо-русских литературных отношений XI – XVII вв.: Тез. докт. дис. – Л.: ЛГУ, 1937 – 38 с.
2. *Михальская Н.П.* Образ России в английской художественной литературе IX – XIX вв. – М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2003. – 124 с.
3. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с.
4. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения / Под ред. Д. Петрова. – М.: ИМЛИ, 1997. – Т. 1. – С. 68–92.
5. *Якушева Г.В.* Концепт // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. В.М. Коженикова, П.А. Николаева. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 393–394.
6. *Флеминг Я.* Из России с любовью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lib.ru/ДЕТЕКТИВЫ/FLEMING/russlove.txt, сводобный.
7. *Флеминг Я.* Достояние леди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lib.ru/ДЕТЕКТИВЫ/FLEMING/bond2.txt, сводобный.

Поступила в редакцию
28.04.08

Хабибуллина Лилия Фуатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Казань.

E-mail: fuatovna@list.ru